

Моему дорогому, любимому
Шону Кейси посвящается.

Серена Валентино

ГЛАВА I

Ведьмы в розовом саду

Чудовище стояло в своем розарии, одурманенное густым ароматом распусившихся цветков. Его сад жил своей собственной жизнью — казалось, будто перекрученные колючие стебли могли сами по себе обвить и сжать его бешено бьющееся сердце, положить конец бездонной тоске. Сколько раз ему хотелось, чтобы все так и случилось, однако сейчас голова была переполнена мыслями о находившейся в замке прекрасной юной девушке — Белль. Она была так смела и благородна, что сама пожелала стать вместо своего отца пленницей в замке Чудовища. Много ли женщин решится на такое — с легкостью пожертвовать собой, своей свободой? Зверь задумался над тем, способен ли

он сам на подобную жертву. Способен ли сам любить.

Чудовище стояло, глядя из сада на свой замок. Пыталось вспомнить, как он выглядел до того, как на него было наложено проклятие. Теперь замок стал другим — зловещим, настороженным. Казалось, даже шпили на его башнях стремятся пронзить насквозь нависшее над ними небо. Чудовище могло лишь гадать, как сейчас выглядит его замок издали. Высокий, внушительный, стоящий на вершине самой высокой в королевстве горы, замок казался вырезанным из того же камня и был окружен густым зеленым лесом, полным опасных диких зверей.

Только с той поры, когда Чудовищу пришлось укрыться за проклятыми стенами замка или в его окрестностях, оно начало по-настоящему видеть и *чувствовать* все, что его окружает. Сейчас Чудовище пристально рассматривало жуткие тени, которые отбрасывали в лунном свете статуи, стоявшие вдоль дорожки, ведущей от замка в его розовый сад. Статуи изображали огромных

крылатых существ и были страшнее любых чудовищ из древних мифов, с помощью которых учителя старались с детства воспитать в нем стойкость и отвагу. Оно не могло припомнить, стояли здесь эти статуи до того, как его замок и земли были заколдованы, или нет.

Многое изменилось с той поры, когда колдуньи наложили на Чудовище свои чары. Фигурно подстриженные кусты, казалось, нарочно стараются запутать его, когда оно вечерами — такими же, как сегодняшний — бродило по их лабиринту, пытаясь отогнать одолевающие его тревоги.

Чудовище давно уже привыкло к тому, что, когда оно не смотрит на статуи, они сами внимательно наблюдают за ним, привыкло ловить краешком глаза их едва заметные движения и почти свыклось с этим. Почти. Величественный вход в замок теперь напоминал ему огромную разинутую пасть, готовую его проглотить. Чудовище старалось как можно больше времени проводить на открытом воздухе. Замок напоминал ему

тюрьму — пусть и огромный, он душил его своими стенами, высасывал из него жизнь.

Раньше, когда Зверь еще был — как странно подумать об этом! — *человеком*, он много времени проводил в своих лесах: охота на диких зверей была его любимой забавой. Но став похожим на тех, кого когда-то выслеживал, он замкнулся в себе и первые годы ни разу не покидал не то что замок, но даже его Западное крыло.

Возможно, именно поэтому ему и сейчас так не нравится находиться внутри замка — слишком много времени он провел там взаперти, скованный собственным страхом.

Первое время после того, как замок был заколдован, он думал, что у него просто разыгралось воображение — мысль о том, что это действительно может оказаться проклятием, буквально сводила его с ума. Но теперь он знал, что странный мир, который окружает его, существует наяву и можно не опасаться сделать его еще хуже своими новыми злодеяниями, не бояться, что враги могут заставить его страдать еще сильнее

за ту боль, которую он сам причинил многим людям до того, как превратился в Чудовище. Но физическое превращение было лишь частью проклятия. Было в нем и еще кое-что, настолько ужасное, что и подумать страшно.

Но сейчас Чудовище хотело думать о другом — о том, что могло хотя бы отчасти успокоить его. Он постоянно хотел думать о *ней*.

О Белль.

Зверь посмотрел на озеро, блестящее справа от сада в лунном свете, рисовавшем на поверхности воды красивые серебряные волнистые узоры. После того как было наложено проклятие, успокоить Чудовище мог только вид этого озера — не считая, конечно, мыслей о Белль.

Оно проводило здесь много часов, стараясь не смотреть на свое отражение в воде, хотя порой испытывало соблазн сделать это. Оно хорошо знало, какое почувствует отвращение.

Когда проклятие только-только начало действовать, Чудовище уделяло своей внешности огромное внимание, можно ска-

зять, было помешано на ней. Поначалу ему даже понравились начавшие происходить небольшие изменения — например, глубокие морщины, делавшие, как оно считало, его юношеское лицо более грозным для врагов. Но теперь, когда проклятие исполнилось почти до конца, оно не выносило своего вида. Все зеркала в Западном крыле замка были либо разбиты, либо занавешены. Ужасные поступки наложили отпечаток на его ставшее звериным лицо, заставляли постоянно ощущать холодную пустоту под сердцем — от этой пустоты оно чувствовало себя больным.

Но хватит об этом.

В стенах его замка находится прекрасная женщина. Она добровольно согласилась стать его пленницей, с которой он мог поговорить, хотя и не находил смелости встретиться с ней лицом к лицу.

Страх.

Он вновь сковал его. Будет ли теперь этот страх удерживать его вне замка так же, как до этого заставлял замыкаться *внутри* него?

Почему так страшно войти в двери замка и оказаться лицом к лицу с Белль? Ведь она кажется девушкой не робкого десятка. Интересно, догадывается ли она о том, что в ее руках находится судьба Чудовища?

Статуи, как всегда, молча наблюдали за ним, когда послышалось цоканье маленьких туфелек по каменной дорожке. Шаги приближались, мешая ему размышлять...

Чертовы сестрицы! Люсинда, Руби и Марта — эта неразлучная троица ведьм с чернильно-черными локонами, бледными, молочно-белыми, похожими на выбеленные солнцем доски, лицами и ярко-красными кукольными губами появилась сейчас перед Чудовищем в его розовом саду. Лица ведьм поблескивали в лунном свете, похожие на криво ухмыляющихся призраков. Звездной пылью сверкали в темноте сада надетые на ведьмах украшения, а покачивающиеся в волосах плюмажи из перьев делали еще карикатурнее резкие, птичьи движения колдуний. Сестры нервничали, это было заметно